

18+

Злата Прага

*Анклав.
Танцующая
в лабиринте*

Злата Прага

Анклав. Танцующая в лабиринте

«Издательские решения»

Прага 3.

Анклав. Танцующая в лабиринте / З. Прага — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-561161-1

Она сбежала от отца, чтобы стать Танцовщицей, а Он убил отца, чтобы стать Хозяином. И всё оказалось ложью. Распорядитель считает, что если человек «правильный», он поступит правильно, а если с изъяном в душе, то пойдёт «по кривой». И это совершеннейшая ерунда, потому что понятия правильного и неправильного, понятия Вселенской нормы не существует, ведь все мы рождаемся уже кем-то. Герои пытаются построить отдельный мир, но это оказывается невозможным, и история длится полвека.

ISBN 978-5-00-561161-1

© Прага 3.
© Издательские решения

Содержание

Кошмарный сон Насти	6
Глава 1. Не перешагнув через труп...	7
Глава 2. На взлётной полосе	13
Глава 3. Ниша	18
Глава 4. Слетевшие с оси	23
Глава 5. Занесённые снегом	30
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Анклав. Танцующая в лабиринте

Злата Прага

© Злата Прага, 2022

ISBN 978-5-0056-1161-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Анклав – территория или часть территории одного государства, окруженная со всех сторон территорией другого государства...

(Большой Энциклопедический словарь)

Всё в мире – кружащийся танец

И встречи трепещущих рук...

А. Блок

Кошмарный сон Насти

Девушка устало брела по узким мощёным улочкам средневекового города, а стены мрачных серых каменных домов словно молчаливо поворачивали её не к выходу, к которому она изо всех сил стремилась, а внутрь замкнутых кварталов. Чем больше она хотела выйти хоть на какую-то окраину или открытую площадь, тем больше запутывалась, погружаясь в пучину отчаяния.

Пройдя в очередной раз по кругу, она поняла, что заблудилась в лабиринте проклятого города, как её смятенная душа заблудилась в лабиринте Вселенной, постигая непостижимость вечного движения от жизни к смерти и от смерти к возрождению, тайну пространства и времени, и древнюю, как этот мир, загадку противоположных по сути человеческих душ, которые вдруг, по какому-то сверхъестественному импульсу выбирают друг друга из миллионов других подобий божьих и сливаются воедино, связанные бесконечной любовью и преданностью.

Наконец, в каком-то отчаянном озарении девушка поняла, что выход из лабиринта находится в самом его центре, там, где затаилось неведомое зло.

В ужасе она остановилась. И вдруг, прищурив глаза и распрямившись, задыхаясь от отваги и ярости, сжала кулаки и двинулась к центру. От неё в небо взмыл ввысь яркий столп света, на краткое мгновение осветив и крошечную фигурку в центре лабиринта на земле, и бесконечную звёздную бездну над ней. Соединив небо и землю через человека, белый луч словно рассёк мир надвое, пролив на одно мгновение свет на все его тайны, а затем всё снова поглотила беспросветная тьма, в которой раздался громовой угрожающий хищный рёв...

Глава 1. Не перешагнув через труп...

*Человеку всегда нравится делать то, к чему у него есть талант.
Альберт Эйнштейн*

Сезоны сменяются так неизбежно, так неотвратимо, что пылливому уму поневоле хочется разгадать загадку этого вечного движения, увидеть, что стоит за ним, понять механизм часов мирового вращения времени. Как ни странно, лучше всего чувствуют дыхание нового времени года птицы. На высоте их полёта любое движение воздуха, даже самое малейшее его колебание, остро ощущается этими существами, лишёнными речи и разума, но наделёнными величайшим даром свободного полёта, близостью к Богам. Вот ещё вчера они с трудом преодолевали ледяной ветер и искали убежище на земле, а сегодня, почувствовав тёплое дуновение первой весенней оттепели, уже расправили крылья и сами ловят воздушный поток, отдаваясь небу и приветствуя весну громкими криками.

Весна вошла в город радостной симфонией привычного весеннего шума: звонко капала по растаявшим лужам капель, весело чирикали птицы, кричали дети, вышедшие играть на улицы, скребли по асфальту лопатами дворники, раскидывая растаявший серый снег, ревели моторами застоявшиеся в гаражах мотоциклы, орали ночами влюблённые в жизнь коты, стонали от ветров мёрзлые деревья.

Но в рабочем кабинете просторного трёхэтажного коттеджа на окраине небольшого уютного города-спутника большого промышленного города было так тихо, что слышно было не только тиканье старинных напольных часов, но стук сердца людей, которые в нём разговаривали.

Дочь всегда знает, когда её разговор с отцом закончен, даже до того, как он сам об этом скажет. Умная дочь свернёт тему и уйдёт. Глупая допустит ссору.

Настя была умной девочкой, но сегодня речь шла о её будущем, и она готова была отстаивать право на его выбор.

Михаил Иванович, её отец, никакого такого права за ней не признавал, к тому же, у него была назначена встреча: не более важная, потому что ничего важнее единственной дочери в его жизни не было, но более серьёзная, чем этот сопливый разговор о факультете хореографии в институте культуры, да ещё в другом городе, так что он живо свернул бессмысленный спор.

– Только через мой труп, – заявил он дочери.

Она изумлённо уставилась на него красивыми зелёными глазами.

– Что?!

– Что слышала. Ступай, Ася, у меня много работы.

Этого она не ожидала – до сих пор отец перед ней ультиматумы не ставил, а это был ультиматум, и отец явно злился, потому что назвал её Асей, а не Настёной, как обычно. У него было пять градаций её имени – как пальцев в кулаке. Когда представлял гостям или деловым партнёрам, гордо именовал Анастасией Лапиной, «наследницей», дома звал Настей, а когда хотел утешить или побаловать, а баловал он её беспрестанно, – Настёной, но, если звал Асей, или, не дай бог, Тасей, она понимала, что отец раздражён или даже в ярости.

Самое время было отступить, но она вдруг взбрыкнула. В конце концов, ей уже не три года, чтобы отсылать её в детскую!

– А чем ты, собственно, так занят, папа? Что это за работа, которой у тебя так много? За всю жизнь ты ни разу не ездил именно на работу – только по работе или по делам. Ты всё решаешь из этого кабинета по телефону, а я даже не знаю, что это!

Теперь пришла очередь отца изумиться на слова дочери: до сих пор она никогда ему не возражала и никогда его не допрашивала. Он помрачнел.

- У меня деловая встреча, Тася! Поговорим позже.
- Нет, сейчас! Подождёт твоя встреча. Речь идёт о моей профессии!
- Ты знаешь моё отношение к женским профессиям.
- Знаю папа! Их всего пять, и все на букву «П», – и она раскрыла ладонь, начав по одному загибать пальцы, – «повар», «педагог», «портной», «парикмахер», «проститутка», – Настя сжала все пальцы в кулак, – но я хочу быть танцовщицей!
- Это разновидность проститутки.
- Это дикость – считать балерину путаной!
- Дикость – это, имея редкую возможность получить блестящее высшее образование, хотеть стать танцовщицей. Считать танцовщицу завуалированной под актрису проституткой просто житейский опыт и здравый смысл.
- Я хочу танцевать!
- В твоём возрасте все хотят танцевать, это нормально. Это период стрекозы, который проходят все молодые люди.
- Я помню: попрыгунья стрекоза лето красное пропела. Но это не про меня!
- Именно про тебя, дорогая. Жизнь так быстротечна! Оглянуться не успеешь, а у тебя уже седина, артрит и избыточный вес с гипертонией и одышкой. Вот тогда тебе станет не до танцев!
- Майя Плисецкая танцевала до семидесяти лет!
- До восьмидесяти. Но ты не Плисецкая. Ты Лапина.
- Но, папа!
- Довольно. Ты станешь плясуньей через мой труп. Ещё не хватало! Мне пора ехать, Ася, а тебе пора всерьёз подумать о приличной профессии. Всё, что угодно, любой достойный ВУЗ, даже заграничный, если уж не хочешь в наш медицинский, кроме этой дичи с танцами. До вечера, дорогая, – и отец встал, давая понять дочери, что и разговор, и аудиенция окончены.

Она гордо вздёрнула подбородок и встала с кожаного кресла. Молча развернувшись к отцу спиной, она вышла из его кабинета.

Как бы он ни был зол и раздражён, всё же с удовольствием посмотрел ей вслед. Царица! Как есть царица! Стройная, ладная, гибкая, грациозная! Волосы чёрные и блестящие, гладкие, как вороново крыло, лежат на голове и плечах ровной пышной тиарой, чуть подпрыгивая на лопатках, гордо сведённых и чуть ли не стучающихся друг о друга. Он представил, как она ещё сверкает тёмно-зелёными огромными глазищами, и чуть усмехнулся, спрятав улыбку в густые усы, слегка поседевшие, словно чёрная мокрая земля, присыпанная первым снегом. Его порода, лапинская! А что дерзит, так это тоже неплохо, характер есть! Но ему уже и правда пора. Его девочка не права насчёт этого кабинета. В доме он решал проблемы семьи, а проблемы работы решал в рабочем кабинете в конторе...

Отец уехал, а она осталась стоять у окна. Прямо перед ней расстиралось поле, начинавшееся сразу за городком, а над ним огромное ярко-голубое небо. Небо, изрезанное чёткими линиями проводов, казалось связанным узником, попавшей в силки синей птицей.

«», – подумала она, глядя на пасторальную картинку, освещённую ярким майским солнышком. Отец думает, что может помешать ей, но это не так! Или так? Сможет ли она на самом деле перешагнуть через его труп, аллегорический, разумеется, через его абсолютную волю?

Как в темнице

Она может запросто стать и Майей Плисецкой, если вырвется наконец из золотой клетки дома! Правда, она не обучалась балету, но обучалась танцам – с трёх лет танцует. Причём танцует стилизованный народный танец. Она изучала танцы всех народов мира: индийские, арабские, славянские, танцы народов севера и африканских племён, может станцевать и барыню, и цыганочку, и фламенко, и сиртаки, и пресловутый танец семи покрывал. Душа любого народа раскрывалась перед ней в танце! Вот почему она так любила три вещи: танцевать, путешествовать и наряжаться в красивые сценические костюмы.

Настя отошла от окна и оглядела свою комнату. Изыщная белая мебель из элитных коллекций, светло-зелёный текстиль, дорогие безделушки, классический плюшевый медведь. Образцовая детская образцовой дочери образцового богача.

Настя вздохнула. Она выросла, и эта комната стала ей мала, как мал стал родной район и весь этот городок. Чем скорее отец поймёт это, тем проще им будет начать общаться на новом уровне: на равных...

Он стёр кожу с рук, отмывая следы уже не видимые, но ещё будоражащие его воображение, и всё никак не мог успокоиться. Наконец, взглянув на себя в зеркало и заметив в глазах отблески безумия, глубоко вздохнул и выключил воду.

– Хватит, – сказал он сам себе, – ты знал, на что шёл.

Он аккуратно вытер руки и повесил полотенце на крючок. И снова взглянул в зеркало. Внешне ничего в нём не изменилось, но глаза словно застыли и покрылись инеем, как поверхность мифического адского озера Коцит, заключившего в тоннах заиндевело́го льда каиновых последователей.

– Ну и пусть. Иначе я никогда ничего не добился бы, а вот он рано или поздно от меня избавился бы. В конце концов, я дал ему шанс. Он сам сказал, что я получу чёртов пакет только через его труп. Не стоит бросаться такими фразами. Не стоит.

Он поправил галстук привычным выверенным жестом и отвёл назад рукой волосы. Лицо окаменело.

– Всё кончено. Разговоры, договоры, переговоры, вся эта долбанная дипломатия – пройденный этап. Мой жребий брошен и упал орлом. Как любил говорить старик: король умер, да здравствует король!

Голос нарушил, но не разрушил тишину. Он вздохнул, но дышать не мог.

Накинув пиджак и взяв в руки папку с документами и кобуру с пистолетом, он вышел из ванной и выключил свет, и прошёл обратно в гостиную. Там взял со стола связку ключей и, перешагнув через распростёртое тело седовласого старика в окровавленной рубашке, прошёл по коридору и вышел на крыльцо дома.

Во дворе на него осторожно уставились около дюжины молодых мужчин в таких же дорогих костюмах и с кобурами под мышками. У ног каждого лежало по одному, а то и по два тела в таких же костюмах, только окровавленных.

– Приберите тут, вы трое, – не поморщившись сказал он, – к вечеру дом должен быть чистым. И сделайте свидетельство о смерти старика. Я в контору. Все остальные со мной.

– Рубикон наконец-то перейдён? – спросил его высокий светловолосый улыбчивый парень, – давно пора, дружище! Старик реально заедал твоё будущее!

– Совсем забыл, – сказал он, нахмутив брови, и, обречённо вздохнув, навёл пистолет на грудь парня и выстрелил.

Тот упал ему под ноги, не перестав улыбаться, но закрыв глаза. Мужчины с оружием чуть отступили назад, затем надвинулись на него грозной толпой.

– Никто не смеет указывать, что мне делать, как никто не смеет вмешиваться в мои отношения с семьёй, – жёстко сказал он, обведя всех тяжёлым взглядом, – никто! Как я перешагнул через труп отца, так перешагну через любого, кто посмеет только подумать, что может управлять мной. Я сам Хозяин. Себе и другим. И сам определяю свои перспективы и пути к ним. Я вам не дружище, а глава.

Мужчины переглянулись и снова отступили назад.

– Едем. Не хочу, чтобы вся эта кровавая баня оказалась напрасной. Пушки переписали историю. Теперь нужны бумаги, чтобы писать её снова. Едем, парни.

Все расселись в несколько машин и уехали. Оставшиеся оглядели двор и кивнули друг другу.

– Ишь ты, Хозяин! Прямо сам собой любитесь.
– Так и есть на что: красавчик!
– Снаружи только.
– Хватит трепаться, если не хотите закончить, как Серёга. Он ему правду сказал и схлопотал. Так что помалкивайте и будете получать бабки. А бабки теперь рекой потекут, это я вам гарантирую. Вот только цена этих денег возрастет.

– Почему?

– Потому что старик играл в благородство, и, хотя все ему были должны, его никто не ненавидел. Этому на всех наплевать, так что никто не будет ему должен, а значит все деньги будут прибывать вовремя. К тому же он с детства играл в монополию, а со школы начал играть на бирже. И пари заключает, не проигрывая, словно ему сам чёрт ворожит. Так что бабок будет немеряно, нужно лишь уметь их заработать возле него. За работу, парни.

– Ну, за работу, так за работу. Тоже мне, монополист!

– Да уж, монополист, а вся грязная работа на нас.

– Не болтайте! Шевелитесь.

Они напоследок вздохнули и закатали рукава. Как ни крути, а и эту работу приходится делать. И раз за неё платят, то почему бы и нет? Тем более, лучше них эту грязную работёнку никто не сделает. Сейчас им троим предстояло приложить много усилий, чтобы очистить этот дом...

В офисе было прямо-таки офисно прохладно и офисно стильно.

– Не вздумай с Хозяином разговаривать как со мной, как с равным. Он этого не потерпит, – предупредил своего спутника Главный Распорядитель, ведя его по коротким пересекающимся коридорам небольшого офисного здания.

– А чем это я ему не ровня? Вместе начинали, сколько проектов подняли, – возмутился Зодчий, – не виделись давно, надобности не было, а так – чего я, кланяться ему теперь, что ли должен?

– Должен. И про то, как вместе начинали, забудь. Не те нынче времена – про проекты вспоминать. Каждый занял в этой жизни свою нишу, оседлал свой шесток, каждый создал себе свою Вселенную на этой планете, а между Вселенными должна быть дистанция, чтобы они не столкнулись друг с другом и не взорвались.

– Ты прям поэт, Моня! На воздухе мало бываешь, вот и на сочинительство потянуло – мозги-то кипят, варятся в тепличных условиях, – усмехнулся Зодчий.

– Я тебя предупредил. Сегодня многое изменилось. В том числе и Хозяин, – и Главный Распорядитель, надев приличное выражение лица, распахнул дверь из коридора в приёмную, а оттуда, проигнорировав вполосившуюся миниатюрную хорошенькую секретаршу, в кабинет, – прошу.

Зодчий вошёл в кабинет. Главный Распорядитель закрыл за ним дверь. Два человека в кабинете уставились друг на друга. Зодчий – с удивлением и недоверием, Хозяин – изучая и словно что-то прикидывая про себя, без тени иронии. Наконец, Зодчий опомнился.

– А Лёха где?

– Отец умер, Михаил Иванович. Теперь я единственный Хозяин Холдинга «Новоград-СтройСпектр».

– Как умер? Когда? От чего?!

– Вы прямо как следователь, – мрачно усмехнулся Хозяин, – вчера умер, от инсульта. Завтра панихида и похороны. Я могу на вас рассчитывать?

– Конечно. Конечно я приду. Столько лет вместе! Вот почему так срочно.

– Да, медлить нельзя. Папин помощник занимается похоронами, а я делами. Сами знаете, у нас только заезжайся – и концов не найдёшь, не то что наследства.

– Это да, это так. Позволишь мне сесть, что-то ноги подкосились?

– Да, конечно. Простите, что не предложил сразу.

Мужчины наконец подошли к креслам и сели.

– С чего думаешь начать, Володя? Володя же, правильно я помню?

– Владимир Алексеевич.

– Ну да, ну да. И с чего думаешь начать?

– Ни с чего. Я не буду пока ничего начинать, я буду продолжать. Вот только один проект пока тормозну. Вы с отцом собирались расширять наш город-спутник в сторону города, не так ли?

– Да. Я как раз принёс все планы. Сырые пока, но доработать можно за неделю.

– Не нужно. Мы не будем пока ничего расширять. Я освоюсь в новых границах, а потом решу, в какую сторону будет расширение – к городу, или к лесу.

– Но к лесу – это же неперспективно! И странно.

– Михаил Иванович, – мягко сказал молодой Хозяин и сделал паузу, – Вы работаете в нашей компании почти четверть века. Вы один из лучших специалистов-универсалов не только в регионе, но и в стране, таких, как вы, единицы. Поэтому мне бы хотелось, чтобы вы и дальше работали со мной, как работали с отцом. Но по моим правилам, – многозначительно надавил он голосом.

Пожилой мужчина взглянул на молодого. Тот дерзко встретил его взгляд. Две Вселенные вдруг вздыбились и понеслись друг на друга, как дурные ракеты, которым только кажется, что они управляемые. Но, если признак молодости – ярость, то признак зрелости – мудрость. И мудрость уступила ярости.

– Ну, что ж, Владимир Алексеевич, как говорится, хозяин – барин. Какие-то распоряжения, пожелания?

– Позже, Михаил Иванович. Хотя, я хотел бы взглянуть на геологическую карту города и особенно на линии водоснабжения и канализации.

– Это есть в вашем компьютере, в бывшем компьютере Лёши.

– Как? Прямо вот в этом?

– Папка в Документах «Ножик». В ней папки «Гидра» и «Аква-room».

Молодой Хозяин усмехнулся.

– У папы было развито воображение.

– Да, этого у него было не отнять. Распечатанные карты в масштабе вон там, за шкафом. Вам нужны карты «ВС-19-48-2000» и «К-20-01-2000».

– Вы помните всё наизусть? – прищурился Молодой Хозяин.

– Это моя работа. И потом, я часто бывал в этом кабинете.

– И впредь будете бывать. До встречи, Михаил Иванович.

– Удачи в работе, Владимир Алексеевич.

Мужчины поднялись и пожали друг другу руки.

– Похороны завтра в полдень. Я проведу всё в кафе напротив.

– Много народа?

– Да. В доме тесно будет.

– До завтра.

– До завтра.

Выйдя в приёмную, втянул воздух раздувшимися от ярости ноздрями.

– Ты чего мне не сказал про Лёшку?! – напустился на старого друга.

– Не велено было, – отрезал Главный Распорядитель.

– Как он умер?!

– Ты сам видишь, Миша, – неожиданно.

– Моисей Израилевич, – окликнула секретарша, положив трубку телефона внутренней связи, – Вас Владимир Алексеевич вызывает.

– Иду!

– И что? Побежишь? – спросил Зодчий.

– Пойду.

– С ним работать будешь?

– А ты нет? – словно с недоверием спросил Главный Распорядитель.

– А я ещё посмотрю!

– Не ершись, Миша. Кому ещё ты нужен-то? А с ним работать интереснее будет. Опаснее, но интереснее, вот поверь мне!

– Что я, сумасшедший, что ли? Ты же знаешь наше правило: «*» Первого апреля никому не верю, у меня всё время...*

– «*»*, – закончил Главный Распорядитель, – ладно, сам смотри. *Первое апреля*

Пожилые мужчины переглянулись и кивнули друг другу.

Главный Распорядитель, изменив наклон тела, вошёл в кабинет, а Зодчий, распрямив плечи, крейсером выплыл из приёмной, в которой его сегодня впервые за двадцать пять лет принял не тот Хозяин...

Как сложно бывает порой собрать обычную дорожную сумку, особенно, если не собираешься возвращаться туда, откуда уезжаешь. Что взять с собой кроме набора одежды и гигиенических принадлежностей? Фотографии, книги, диски? Игрушку, сувенир – вещь кого-то дорогого и близкого?

Единственное, что Настя с рождения помнила в доме, были старинные напольные часы, почти с неё ростом, стоящие в кабинете отца.

В сумку их не сложить, конечно, но у неё было несколько снимков, где её сфотографировали возле них – видимо, отец тоже любил их, раз фотографировал около них дочь. Она взяла фотографии отца и матери и свою – с напольными часами. Сунула было в сумку медведя, но потом передумала и оставила его на кровати: сбегать так сбегать, нечего тащить за собой закончившееся детство...

Михаил Иванович вошёл в дом, с порога рванув с шеи галстук и сбросив туфли, протопал на кухню и глотнул воды прямо из чайника.

– Насть! Настёна!

Швырнув пиджак вслед за галстуком, поднялся в комнату дочери, распахнув дверь. Большой белый лист чайкой взлетел и снова опустился на покрывало...

Глава 2. На взлётной полосе

*Если беспорядок на столе означает беспорядок в голове,
то что же тогда означает пустой стол?
Альберт Эйнштейн*

– Не в курсе, зачем меня Хозяин вызвал? – спросил Зодчий Главного Распорядителя.

– В курсе. На экскурсию поедете, так что ботиночки смени, пижон старый, вон там, в тумбочке, я твои старые держу, прорабовские.

Михаил Иванович кивнул и молча быстро переобулся. Потом, осторожно оглянувшись на секретаршу, заглянул в кабинет Хозяина. Его там не было, и он просочился внутрь, не понимая до конца, зачем, он это делает. Этот кабинет не сильно изменился с тех пор, как сменился хозяин. Та же тяжеловесная мрачная дорогая классическая мебель. Тот же компьютер и часы на стене. Те же шторы на окнах. А вот стол изменился. С него исчезли дорогая подставка для часов и ручек, телефон, стопки бумаг в лотке, дешёвая и довольно вульгарная статуэтка жареного петуха, новогодний «прикол», и фото двух маленьких мальчишек – в коляске и на трёхколёсном велосипеде. Столешница была пустой и ровной и казалась поэтому огромной, почти бескрайней.

Он снова оглядел стол. Даже фотографии в затейливой рамке ни одной нет.

«» *Как в операционной! Семьи нет, и фото нет. И ради кого он так пашет?*

– Михаил Иванович? Здравствуйте!

– Здравствуй, Владимир Алексеевич. Извини, что зашёл, думал ты здесь.

– Едем, Михаил Иванович. Время! – не отреагировав на вторжение в его кабинет, сказал Хозяин.

Они сели в машину и поехали к выезду из города.

«» *В Ножик, что ли понесло? Зачем это?*

В каждом городе есть такой район – ФПК, ЖСК или МЖК, спальный район, возникший на отшибе, на месте какой-нибудь снесённой деревни, или осушенного болота, или закатанного асфальтом пустыря, в котором квартиры «улучшенной планировки» заселяют очередники какой-нибудь местной фабрики, а улучшений-то всего два: кухня чуть больше обычного спичечного коробка старых «хрущёвок» и лоджия, превращаемая со дня новоселья в подсобку.

Районы эти действительно спальные: люди приезжают туда хмурые и мрачные после дня работы – ночевать. А кто не успел запереться в «улучшенном» доме до темна, становится добычей местной шпаны, «держашей» район.

В их городе построили НЖК – новый жилой комплекс на восточной окраине, моментально прозванный горожанами «ножиком», в какой-то степени от сокращения букв, а больше потому, что по форме он и впрямь напоминал ножик, раскинувшись к северу и к югу города двумя вытянутыми по форме острого лезвия и закруглённой рукоятки кварталами. В поперечнике, словно круглая рукоять, находилось автокольцо – большая развёрстка с клумбой в центре – и несколько рядов многоподъездных домов-змеек, соединённых тенистыми переулками и широкими дворами, плавными дугами его обрамляющих.

Михаил Иванович вспомнил об этом, когда они проехали Ножик и, проползая по ухабам, остановились в чистом поле.

– Ну, и что мы здесь делаем? – спросил он, встав недалеко от машины и уперев руки в боки.

– Дышим, Михаил Иванович.

– Воздухом перемен?

– Точно! Вот что мне в вас нравится – вы любую идею, даже тень идеи на лету ловите.

– Ну, давай, Владимир Алексеевич, излагай свою идею.

– Идея не моя. Она областной администрации идея, я бы даже сказал, федерального значения идея. Знаете, где вы сейчас стоите?

– В чистом поле я стою, как пугало огородное.

– Вы сейчас стоите прямо на взлётной полосе нового аэропорта!

Михаил Иванович, затаив дыхание, обернулся на Хозяина.

– Да ладно!

– Будет ладно, когда построят, Михаил Иванович.

– Я?!

– Увы, нет. Хотя я уверен, что вы бы справились блестяще. Но нет, строить будут инженеры, назначенные по проекту.

– Тогда что я тут делаю?

Хозяин усмехнулся и прищурился, сорвал травинку и сунул в рот.

– Вы сейчас сделаете мне привязку к местности и подскажите, как перепланировать Ножик так, чтобы никто, кроме меня, не мог иметь из города свободный доступ к этому аэропорту. Потому что я хочу здесь монополию.

– На что?

– На всё! Транспорт, гостиницы, аптеки, автосервисы, склады, мойки, гаражи, стоянки, ларьки, экскурсии. Буквально всё! Вся инфраструктура аэропорта и прилегающего района. А район будет нашим – и точка!

Зодчий посмотрел на Хозяина. И где их таких делают? Вроде рос пацан сопливый в доме старинного друга, и не сын даже, а приёмш – сын жены от первого брака, в школу как все бегал, двойки таскал, болел, от прыщей страдал, а тут вдруг – миг-шмыг – и стать откуда-то королевская, и хватка волчья. Откуда?!

– Откуда начать думаешь, Володя?

– А с кольца, дядя Миша.

– Правильно. Дороги в нашем деле главное: нет дороги, нет стройки. А как ты район возьмёшь, присвоишь, да ещё держать будешь?

– А я сделаю государство в государстве, не город-спутник, а город в городе. И для этого вы мне нужны, Михаил Иванович. Мне нужна неприступная крепость, ни войти в которую, ни выйти без моего ведома никто не сможет. Форт Нокс!

– Форт Ножик, – Зодчий усмехнулся.

– Пускай! Но район мы перестроим и перепланируем так, что никто даже близко сюда не подползёт ни по каким там объездным путям. Сможете?

Зодчий помолчал. Ещё раз осмотрел виднеющийся за машиной город и поле прямо перед ними. Он и сразу понял, что сможет. Вопрос в том, захочет ли? А с другой стороны, что ему, одинокому старику, ещё осталось кроме работы? Высокие принципы? Ими сыт не будешь. Да и не в этом тоже дело! Просто это был проект, вызов его мастерству, его таланту и мощи Великого Зодчего. Он уже сейчас думал о планировании и упорядочивании застройки в соответствии с рельефом местности, природными факторами и просто удобством устройства всех коммуникаций, без которых не могли существовать ни город, ни аэропорт. Он – Зодчий – тот, кто должен не только предусмотреть все эти факторы, но и воплотить проект в жизнь. Для того, чтобы строить дома, а тем более застраивать район, да ещё изолированный от остального города, нужно объединить в себе десятки профессий: архитектора и инженера, астронома и геодезиста, прораба и дизайнера. И в то же время в нём уже проснулся и художник, для которого чувство прекрасного – превыше всего.

– Смочь-то мы сможем. Только денег много надо и времени, – сказал он.

– А я вас ни торопить, ни ограничивать не буду. Раз место теперь наше, то и время будет работать на нас. Я все окрестные земли скупил и в районе кольца начал весь квартал своими

людьми заселять. Да и вы Михаил Иванович, давайте тоже сюда перебирайтесь! А то как вы работами руководить будете? Не наездитесь же!

Зодчий ещё раз оглядел поле, город, и поднял голову к небу.

Как там учили в школе? Рождённый ползать, летать не может? Но кто определяет, кому ползать, а кому летать? Это ведь только от нас зависит – ползти, плыть, бежать или лететь к намеченной цели. Проблема, когда цели нет. Вот тогда только и остаётся, что ползти – двигаться медленно, почти по инерции, делая вид, что ты тоже к чему-то стремишься, тоже однажды чего-то достигнешь. А чего? Да Бог его знает! Кто мы такие, чтобы знать, к чему однажды придём? Говорят же: всё в руках Божьих, Бог даст день, даст и пищу, а больше-то чего ж? Ничего и не надо.

А вот этому – Зодчий чуть скосил глаза на Хозяина – этому надо всё! Этот точно знает, куда и зачем идёт, и идёт, как совсем недавно выяснилось, по трупам. Он проработал с ним год с тех пор, как сбежала из дома Настя, чуть не убив его этим, и был поражён размахом, удалью и точными расчётами мальчишки.

«» Или лежать с Лёшей, батькой его приёмным, страдальцем, рядком на погосте, или идти рядом с этим юным чудовищем. Или совсем сникнуть и стать на старости лет как Моня – китайским болванчиком – всем кланяться, да со всем соглашаться. Нет уж, это не по мне! Жить так жить, а жить – значит дело делать! Дочь сбежала, семьи нет. Пусть будет дело!

И Михаил Иванович, закончив осмотр окрестностей, задумчиво кивнул...

Настя устало огляделась, сойдя с трапа самолёта, подхватила поудобнее сумку-люльку со спящим ребёнком и вошла в автобус до аэропорта. Ей предстояло получить багаж и доехать до автовокзала, а оттуда на рейсовом автобусе добраться до родного города, покинутого ею всего полтора года назад. Здесь, на взлётно-посадочной полосе она отчётливо поняла, что самолёты могли бы быть свободны как птицы, но стали как люди: они тяжело взлетали и устало садились, выполняя полёты в небо как трудную нудную работу, словно у каждого самолёта было внутри что-то, что не давало ему радостно, совсем как ей, оторваться от земли...

Посреди дороги её чуть было не высадили, выговорив ещё кучу гадостей возмущёнными голосами, но она разревелась, и её пожалели.

– Не ради тебя, ради мальчика только! – буркнул водитель, трогая махину рейсового автобуса с места, – только ей богу, заткни его уже чем-нибудь, а то ссажу!

– Да мне нечем!

– А мне плевать! Заткни, сказал. Вон, пассажиры возмущаются! Да не реви ты сама! Иди садись, укачивай!

И Настя села укачивать. Трёхмесячный Сашка орал от голода, но скоро выбился из сил и затих. Все успокоились, многие тоже пристроились спать. Но ей было не до сна. Она ведь всё смогла! Уехала в Москву, поступила в ГИТИС на Балетмейстерский факультет, сдав и экзамены, и творческий практикум, и пройдя устное собеседование. И учиться начала с полной самоотдачей! Жаль, что отдалась не только учёбе, но и однокурснику. Вскоре с ужасом обнаружила, что беременна и растерялась, как девочка. Сказала отцу ребёнка, и он пропал. Всё пропало!

Убить малыша почему-то не решилась. Наверное потому, что вот так сразу про него и подумала – малыш, её ребёнок. И доходила до весны, закрыв сессию, и родила уже с заполненной зачёткой. Тут к ней вернулась способность соображать, и она, оглядевшись на свой студенческий быт, поняла, что растить здесь ребёнка – дело гиблое, и, взяв академический отпуск, поехала домой, в Сибирь. Родина встретила её хмурым неодобрением пассажиров сначала в самолёте, а теперь вот в автобусе. Настя вздохнула и прижала к себе спящего сына. У неё

не осталось с его рождением ни денег, ни иллюзий, так что теперь она будет просто жить ради него.

За год учёбы в Большом Гнездниковском переулке она многому научилась, и поняла, что потенциала стать балериной у неё нет. Вот просто нет. Зато она могла любому показать, как делать обороты и па, любое движение, потому что видела, у кого какое слабое и сильное место. Она снова вздохнула: видимо, педагогический талант проснулся вместе с материнским инстинктом. Что ж, это, по крайней мере, можно использовать. В её городе вряд ли оценили бы саму Майю Плисецкую, а вот хорошую учительницу по танцам для малышей – вполне, а это верный заработок.

Настя посмотрела в окно автобуса. Дорога стремительно приближалась к своему концу, а она даже представить не могла, как встретит её отец, да и встретит ли, примет ли, да ещё не одну! Сбежав, она всего раз ему позвонила, сказав, что с ней всё в порядке, а он так её отругал и обозвал, что больше она не звонила.

И она трусливо решила проехать свою остановку...

Дед Василий, оглядев развороченную кучу земли, вырытую его предшественниками посреди тротуара на центральной улице города, застонал, как от зубной боли, потом рыкнул и выругался. Затем, послав куда подальше и прораба, и начальника участка, и инженера, и инспекторов, и парней из бригады, сел за баранку трактора и начал быстро и мерно работать, разгребая и убирая землю так, как обозначено было по плану. Уже через несколько минут стало понятно, что он один управится лучше всей бригады, и всех угнали на соседний участок, оставив его одного, уже по опыту зная, что дед Василий сам и работу сделает, и инструмент приберёт, и технику отгонит. Впрочем, какой он дед, мужику всего сорок три года, а вот за дочкой не углядел, нагуляла ему внука незнамо от кого, сразу после школы, вот и стал дед. Правду сказать, сложно за нынешними девками углядеть, особенно если жена померла, как у Василия. Вот теперь и пашет, как конь, чтобы двух детей обеспечить, девчонка-то пока работать не может – малого кормит.

Он загнал трактор в гараж и, сполоснув над замызганной раковиной руки, отошёл в тенёк покурить, да подумать о жизни. Хотя, думать-то особо не о чем: не сложилась жизнь! Хотел в небо – лётчиком стать, самолётами управлять, а после армии вместо лёгкого училища сел на год за драку в ресторане, а потом сел за баранку «этого пылесоса» – трактора при дорожно-строительном управлении города, да так и сидит. Женился на первой попавшейся девчонке, родили с ней дочь. А жена возьми да заболей, да помри. Намучился потом, один-то. Баб, чтоб утешить, немного, но было, да ни одна не захотела к нему в двушку идти, с сопливой девчонкой хлипкое хозяйство вести, так и жили с Нинкой вдвоём. Все надежды на дочь возлагал, чтоб выучилась, человеком стала, а она в неполные девятнадцать стала матерью, и учёба побоку. Теперь вот будет растить сына и пойдёт через пару лет в магазин колбасой торговать, запихав Серёжку в ясли. Теперь уж не взлететь девке, не подняться, и дед Василий, затаившись, тяжело вздохнул...

Хозяин вернулся в кабинет и раскатал на столе карту-схему будущего аэропорта, купленную с диким ритуалом шпионских игр. Эта схема стоила ему как целый самолёт, но она того стоила. Завтра он отдаст её Зодчему, а тот начнёт обустраивать район вокруг будущего аэропорта, а пока Хозяин острым взглядом всматривался в условные обозначения уменьшенных в масштабе объектов, вникая в каждую мелочь. Даже когда он скатал и убрал карту в шкаф, она словно стояла у него перед глазами, выступая из полированной поверхности огромного стола. И он уже видел не только аэропорт, а весь район, а потом номера банковских счетов и планы нового строительства, новые перспективы и планы. Нет, он не мечтал о Куршавеле или Портофино, о Монте-Карло или Лас-Вегасе, он мечтал об огромном деле – управлении одним горо-

дом как государством, где всё будет зависеть от его воли, происходить по мановению его руки, согласно его весомому слову. Он Хозяин. Ему не нужен весь мир, а нужен мир в его хозяйстве. Ему нужен свой маленький мир, живущий по его законам, и аэропорт и район вокруг него – это краеугольный камень его будущего царства, начало его восхождения на трон...

Зодчий подошёл к кульману и лениво погонял рейсшину по бескрайнему белому полю. Работать пока не с чем – нет чётких планов, нет карт и схем, нет даже идеи. Но мысль уже есть, как невесомая призрачная тень огромного строительства. Это потом она превратится в масштабную стройку с кучами песка и щебня, тоннами стекла и цемента, сотнями рабочих и десятками единиц техники, а пока мысль просто парит, вырвавшись из сознания Зодчего, «дышит» свободой над белым ватманом, не захваченная пока в плен расчётами и масштабами.

Михаил Иванович вздохнул и отошёл от прибора, который раньше был неотъемлемой частью труда советских инженеров, а теперь не выдерживал конкуренции с САПРом – системой автоматизированного проектирования на базе персонального компьютера. Он работал вдохновенно, как гений, и радовался каждой технической новинке, помогающей воплощать идеи в реальность, но и не отказывался от старых надёжных помощников. Кульман в его кабинете был не просто напоминанием о прошлом, а востребованным рабочим инструментом, помогающим ещё думать. Вот только мысли, ударившись о белый лист ватмана, пошли не о работе, а о единственной дочери, своевольно упорхнувшей из дома...

Глава 3. Ниша

*Я живу в том уединении, которое столь болезненно в юности,
но восхитительно в зрелости.
Альберт Эйнштейн*

Утро застаёт планету каждый раз незаметно и неожиданно.

Словно исподволь светлеющее небо вдруг озаряется розовым светом, будто кто-то краски разлил, и на него огненной колесницей выкатывается ленивое солнце, начинающее медленно, но верно, стирать с тротуаров тени. Блаженная тишина нарушается птичьим гомоном и шумом машин. Люди начинают просыпаться и вставать: не с той ноги, разумеется, иначе как объяснить то, что они вытворяют в течении дня на протяжении веков?! И вот наступает день, и утро растворяется в нём так же обычно, как пришло, как сахар в кофе...

Моисей Израилевич снял турку с плитки, ловко поставил её на подставочку из можжевельника на стол и потянулся. Как же трудно тянуться вверх в его возрасте! Впрочем, гнуться ещё сложнее, но и особого выбора у него уже нет.

– Молодым везде у нас дорога, старикам везде у нас почёт! – пропел он себе под нос, входя в ванную.

Это у молодых всё впереди, а у него как раз всё позади. Страсть, дружба и предательство, разлуки и потери, первая боль и последняя любовь – он всё пережил и всё оставил в прошлом. Теперь он совсем одинок, но совершенно этим не тяготится. Напротив, войдя в это блаженное возрастное состояние, он наконец успокоился и приободрился, поняв, что так жить и легче, и проще, и можно протянуть ещё пару десятков лет, наслаждаясь маленькими радостями жизни.

Выйдя из ванной свежим и бодрым, выпил кофе и пошёл одеваться. На площадке бухнула железная дверь.

– Кто бы это? – спросил он вслух.

Привычку говорить вслух с самим собой Главный Распорядитель отнюдь не считал признаком сумасшествия, это просто помогало ему думать, ведь слово, прозвучавшее вслух, – не то, что слово, сказанное в сознании. Слово, оказавшееся снаружи, меняет и то, что снаружи, и то, что внутри, так как обретает силу яви.

– Квартира Анны Семёновны давно пустует, она же зареклась сдавать её жильцам. Или сама переезжает, старая мымра, или всё же решила сдать, жмотка.

Как разговоры вслух помогали ему думать, так просторечие рыночных торговков, а иногда и крепкое словцо, помогали ему разрядить эмоции.

Он совсем по-стариковски прокрался на цыпочках в коридор и заглянул в глазок, чтобы подсмотреть, что там творится, под его дверью.

В соседнюю квартиру как раз вошла молодая женщина с сумкой и ребёнком. Она показала ему странно знакомой, но разглядеть её толком он не успел, зато прямо ему в глаз уставился подслеповатый глаз старухи Шмулевич.

– Старая ведьма! – отпрянул он от двери.

– Сам ведьмак! – глухо донеслось с площадки, – я вот на тебя пожалуюсь!

– Флаг в руки, ветер в спину, – пробормотал Моисей Израилевич, – значит всё же сдала свою халупу, жмотка старая.

– Сам жмот! – снова донеслось из-за двери.

– Ох, смотри, Анна, схлопочешь ты однажды дверью в лоб! – громко сказал он.

– Сам схлопочешь!

Он ухмыльнулся и пошёл собираться на работу...

Нина обошла их с отцом двушку и вздохнула. Не густо добра нажил батя честным трудом. Только что диван в зале, в котором жил отец, стоял огромный, кожаной подковой выбиваясь из простецкой мебели из ДВП производства местной мебельной фабрики. Под этот диван отец три года назад снёс кладовку и выстроил перегородками нишу в зале, а вторая часть ниши от бывшей кладовки была теперь в её комнате. Она тогда у отца спросила, как они будут без кладовки, а он отмахнулся, буркнув сердито: «». *Как будто у нас добра некуда складывать! Лишнее на помойку, нужное в шкаф, и вся недолга! А так хоть есть где посидеть с мужиками, да и тебе с подружками почирикать*

Теперь она ещё раз оглядела нишу в своей спальне, углубление у дальней стены комнаты за небольшим углом. Если оклеить обоями с детским рисунком, поставить деревянную кровать, корзину с игрушками, да задёрнуть яркой шторкой на «струне», получится отдельная детская для Серёжки. Она вздохнула. Козёл его папочка, как есть козёл, отказался и от неё, и от ребёнка. Впрочем, учитывая, что он сел за кражу, может оно и к лучшему, на чёрта им такое счастье, джентльмен удачи в семье! И Нина, наскребя несколько сотен в кошельке, да ещё прихватив из серванта из денег «на хозяйство», оставляемых ей отцом, собралась на рынок за обоями и тканью.

Дед Василий пришёл домой к вечеру злой и усталый, и сразу учуял неприятный душный запах. Хотел дёрнуть форточку, но Нинка закричала из спальни: «» *Не открывай окно, дед!*

Он зашёл к дочери и споткнулся о кресло, стоявшее посреди комнаты.

– Это чего тут у тебя?

– Детскую делаю, – буркнула такая же, как он, злая и уставшая Нинка.

Он осмотрел её работу. Дочь выбелила потолок, ставший за несколько лет серым от копоти, и наклеила на стены в углу своей спальни дешёвые бумажные голубенькие обои с кораблями и пиратами, с сундуками с сокровищами и акулами. Сейчас она подтирала заляпанный обойным клеем пол, отодвинув остатки обоев.

– Для Серёги придумала?

– Ага. Только окна пока открывать нельзя, а то всё отвалится.

– Нельзя так нельзя. А это чего? – он показал на ярко-голубую штору, свесившуюся с гладильной доски.

– Занавеска будет. Только сначала надо «струну» натянуть. Поможешь?

Василий молча сходил за инструментом и, просверлив пару дырок в стене и в перегородке, натянул проволочную гардину и помог дочке повесить штору. Они отдёрнули её и закатили туда кровать, и, пытаясь, впихнули между ней и стенкой пластиковую корзину для белья, в которой были игрушки.

– Слушай, а Серёжка-то где? Тихо как! – воскликнул вдруг Василий.

– О, опомнился! С соседкой он, спасибо, согласилась посидеть.

– Кто? Старуха Шмулевич?

– Да прям! Эта согласится лишь за деньги удавиться!

– Тогда кто?

– Новая наша соседка, которая у Анны Семёновны квартиру сняла. Настя. У неё тоже сын, Сашка. Она обещала с ними обоими посидеть, если я ей немного старых пелёнок отдам, а то она нищая совсем.

– А ты прям богатая, раздавать добро, – проворчал Василий, сматывая провод от дрели.

– Дед, не начинай. Наш Серый уже из пелёнок вырос, у неё пацан на пять месяцев младше. Отдам пару тряпок, не жалко. Зато хоть подруга будет, да нянька всегда под рукой. Она вроде девка правильная.

– Замужем?

– Нет.

– И что в ней правильного? Внебрачный сын, как у тебя?

– Дед!

– Да ладно, мать!

Они раздражённо махнули друг на друга рукой и отвернулись к детскому уголку. Получилось хорошо, уютно. Дед собрал инструмент и понёс его на место, а мать убрала мусор и тряпки и поставила к стене кресло.

– Дед, а как мы спать-то будем в такой духоте? А если Серый кашлять начнёт от запаха? – растеряно спросила Нинка.

– А ты иди и попросись на ночлег к новой подруге, – буркнул дед Василий...

Настя уложила двух мальцов спать и присела к окну. Денег у неё почти не осталось. За осень и зиму она немного заработала, выступая в ресторанах в столице, но роды и билеты до дома почти все их съели, а после съёма квартиры с оплатой на полмесяца вперёд, у неё почти ничего не осталось – всего несколько сотен, только на еду на три дня. И она мучительно вспоминала, где в её родном городе она сможет быстро заработать на хлеб, если ей не с кем даже оставить сына. «, – подумала она и оглянулась на спящих малышей, – » От мысли, что у неё появилась знакомая, а в будущем может и подруга, которая сама в таком же положении, как и она, Настя приободрилась. Подумаешь, деньги! Чай и в этом городе есть рестораны, можно попробовать туда устроиться, а можно позвонить по фирмочкам, организующим корпоративы. « – и она упрямо вздёрнула подбородок, – » *Хотя теперь вроде как есть с кем! Нина же сможет выручить! Не пропаду! наташкую! Лапина я или кто?!*

Владимир Алексеевич Богданов к вечеру вдруг захандрил. Состояние это накатывало на него крайне редко, но иногда ему как будто становилось скучно и незачем жить. Он встал и передёрнул плечами, словно стряхивая с плеч тоску.

«», – выплыла откуда-то в памяти дурацкая фраза. *Грусть-тоска его снесла*

Он нормально переносил одиночество, считая его полезным для работы, но иногда он буквально физически его чувствовал, и чувство это было неприятным. Он словно оказался один голым в абсолютно пустой комнате – вроде и нет никого, а всё равно и неудобно, и неудобно. Мерзкое ощущение!

Ему вроде всё удалось, он возглавил дело отчима, став не просто у руля корабля, а во главе флота и, несмотря на шаткое положение, выправил все дела, укрепив позиции, и даже заняв новые ниши и проложив курс на монополию в новом деле. Но что-то вот особой радости от всего этого он не чувствовал, а наоборот, чувствовал тоску смертную и непомерную усталость.

– Да что за чёрт?! – воскликнул он вслух и снова передёрнул плечами.

Слова разрезали тишину, как нож масло, еле выбравшись из неё.

«подумал он про себя и пошёл одеваться,» *Так и свихнуться можно, – – так не пойдёт, надо встряхнуться!*

Встряхиваться он поехал в небольшой элитный клуб «для больших», где были бар, бильярд и дискотека. В отдельный кабинет не пошёл, устроился в баре, лениво поглядывая на танцующих великовозрастных девиц «за двадцать». Неожиданно погас свет, и диджей объявил в микрофон что-то типа «». Он обернулся. *проездом из Твери в Париж, только один день, последняя гастроль, непревзойдённая звезда сцены, только для вас зажигательный фламенко*

Под мерную дробь барабанов и переборы гитары «фанеры» в центре танцпола появилась тоненькая, утянутая в чёрный корсет и алые многослойные юбки, дамочка с маской на лице. Впрочем, вскоре всё внимание гостей клуба сосредоточилось не на лице, а на ногах, яростно отбивающих бешеный ритм, и на руках, то извивающихся, то хлопающих, то подбрасывающих вверх юбки, раздувающиеся алыми парусами вокруг танцовщицы. К тому же через пару

минут она стала двигаться по залу, приглашая в центр гостей и показывая им по два притопа ногой и по два прихлопа рукой, и вот уже на танцполе два десятка людей очень ритмично и в лад отбивают ритм ногами и руками, и выглядит это, кстати очень зрелищно. Музыка отзвенела последним перебором и затихла. Гости поаплодировали себе и учительнице. Она присела на поклон и исчезла.

« – лениво подумал он, – », – и он подозвал официанта спросить. *Интересно, сколько ей лет? и где училась, очень уж органично пляшет, почти как испаночка*

Парень пожал плечами, сказав, что надо спрашивать у диджея, а он видит танцульку в первый раз. Тащиться к пульта диджея ему было лень, и он просто заказал ещё один коктейль. Через пару трэков диджей снова объявил танцевальный номер. На этот раз было танго. Дамочка в маске сделала несколько изящных па и дорожку шагов, затем поманила к себе из зала пальчиком какого-то мужлана. Тот оказал ей честь и поддержал её, пока она «жгла» вокруг него, заламывая руки, вертя головой и делая резкие ломанные движения под аккордеон. Потом, танцуя, прошла по залу, ставя народ вокруг диджея полукругом. Кивок головой, и он включил самбу. Танцовщица показывала движения, гости повторяли. Флэш-моб удался.

«», – подумал он, дотягивая коктейль. Вся грусть-тоска с него слетела и его потянуло на подвиги. Он, как и все, ждал третьего выхода, но его не последовало. Подойдя через какое-то время к диджею, он узнал, что девчонка отработала два номера и ушла. Нет, телефон она не оставила, тупо срубив выручку в две штуки. Обещала прийти в четверг, это она с менеджером зала договаривалась. *Весело*

К менеджеру он не пошёл.

«». *Ещё не хватало волочиться за танцовщицами!*

Но в следующий четверг снова заехал вечером в тот же клуб...

Настя последовала своему плану, и ей повезло. Осенью играли много свадеб, проводили корпоративы. Она танцевала в клубах, на нескольких свадьбах, на одном юбилее, на день рождения русской тельняшки и на день шахтёра, на день работников нефтяной, газовой и топливной промышленности и на день финансиста, и на день танкиста. Платили мало, зато наличными. Она продлила срок аренды квартиры, купила Сашке кровать и горшок с коляской, а себе тёплую куртку на зиму. И понимала, что на зиму нужна постоянная работа.

Они как-то сели с Ниной у неё на кухне и обсудили, как смогут зарабатывать вдвоём, по очереди сидя с детьми.

– Может в магазин устроиться? – предложила Нина.

– Времени много надо будет там проводить и недостатками замордуют.

– Или нянечками в садик?

– Зарплата – слёзы, – отмела идею Настя.

– Может вдвоём выступать? Я петь могу!

– Тогда надо заработок няньке отдавать.

– Ну, я не знаю! Сама предлагай.

– Предлагаю. Я тут сходила в дом пионеров бывший, центр детского творчества. Им хореограф нужен, старая на пенсию вышла и на даче поселилась. Зарплата небольшая, но зато весь соцпакет, вечера свободные, больничные оплачиваются, пособие на ребёнка. А ещё им техничка нужна. Сможем друг друга подменять, да ещё на платные услуги договориться с родителями детей.

– Ну, я не знаю.

– Давай попробуем! Надо успеть занять эти ставки, пока другие не набежали. Я утром буду бегать пол мыть, ты вечером. Пока я занятия буду вести, ты с пацанами посидишь. Зарплата пополам.

– Не, я так не могу. Зарплата технички пополам, а уж за танцы – это твоё.

- Я не смогу вести танцы, если не с кем будет оставлять Сашку.
- Тогда не пополам, а так – штуку-другую.
- Ладно. По рукам, подруга?
- По рукам, подруга!

И девушки заключили дружеский и деловой союз. Дед Василий сперва ворчал на дочь, что она таскается к неизвестной девчонке, но, придя пару раз в квартиру к соседке – шуруп закрутить на болтающемся в двери замке, да розетку починить, убедился, что девчонка и впрямь правильная, и махнул рукой: «». *ну, хотите, так дружите, дело молодое!*

Жизнь потекла своим чередом, и всё сложилось удачно, как они и задумывали, но иногда по вечерам, не занятым танцами в клубах и на праздниках, Настя ни с того ни с сего вдруг всхлипывала, отвернувшись от сына. Поджав ноги на хлипком диванчике, который вместе с древним холодильником, табуреткой и скрипящим шкафом символизировал «квартиру с мебелью», она накрывалась с головой пледом и тихо рыдала...

Глава 4. Слетевшие с оси

*Единственная причина для существования времени —
чтобы всё не случилось одновременно.
Альберт Эйнштейн*

Старик предавался хобби торжественно и со вкусом. Просто начать заниматься любимым делом было сопряжено с соблюдением ряда ритуалов. Перво-наперво отключить все шумы – радио, телевизор, телефон. Потом проветрить комнату и убрать, если что вдруг оказалось не на месте. Затем надеть потёртый кожаный фартук, бывший когда-то чёрным, но теперь посеревший и порыжевший от времени. И наконец, вздохнув от ответственности мгновения, разложить на столе взятые из недр ящиков коробочки с деталями и инструменты.

Главный Распорядитель с детства мечтал быть часовых дел мастером, но мамочка и слышать не хотела о столь низменном занятии для сына, и увлечение механизмами, таинственным образом делящими нашу жизнь на части, осталось с ним лишь как невинное увлечение. Впрочем, если увлечению посвящать всё свободное время, оно подчас вытесняет основное занятие. Время же таинственно и непознаваемо, стрела времени – самое сложное понятие в классической физике и термодинамике. На прямой, протянутой из прошлого в будущее, мы проживаем самые лучшие и худшие моменты жизни, данной нам Богом! При этом все события относительно конкретного делятся на будущие – на которые можно повлиять, и прошлые – которые на него влияют. В той же термодинамике подчёркивается неравноценность прошлого и будущего, ведь проще разбить стекло, чем изготовить новое и вставить его в раму, и гораздо проще убить живое существо, чем возратить его к жизни, если вообще возможно. Значит будущее более ценно и сложно, чем прошлое, раз путь к нему длительнее? Или ценнее невозстановимое прошлое?

Он думал об этом каждый раз, берясь за новую работу. Сейчас за окном сыпал мокрый снег, а перед ним лежали настенные часы из офиса, которые вдруг встали и не пошли даже после смены батареек. Главный Распорядитель надел очки и перевернул пластиковую тарелку. Э-эх! Разве можно выпускать такой волшебный предмет как часы вот в таком вот ширпотребно-непотребном виде?! То ли дело в средние века! Дерево элитных пород, золото, драгоценные металлы и камни, изысканный дизайн. И в каждом изделии – душа мастера.

Мысли часовщика прервал резкий звонок в дверь. Он удивился. В эту дверь лет сто уже никто не звонил. Он отодвинул работу, встал и, скинув тапки, осторожно подошёл к двери. Звонок повторился. Он заглянул в глазок...

К августу Зодчий представил Хозяину план перестройки района вокруг будущего аэропорта, по которому Ножик превращался в самый настоящий анклав, а также тщательно просчитанную смету. На изучение плана у Хозяина ушло трое суток, на знакомство со сметой – три секунды.

– Сколько?! – выдохнул он, подняв взгляд на Зодчего, с трудом оторвав его от итоговой цифры.

– Сколько видите, Владимир Алексеевич.

Хозяин сглотнул. План был отличный. Просто замечательный! Но таких денег у него пока не было, и идей по их быстрому приобретению не было тоже.

– Увидимся через неделю, – коротко бросил он Зодчему.

Тот пожал плечами и вышел из кабинета, а через неделю снова был туда приглашён и официально назначен главным застройщиком микрорайона «НЖК».

– Только сначала выстроишь мне до снега вот это, – сказал Хозяин.

Зодчий посмотрел на листок и усмехнулся.

– До снега «Гэ» получится, – заметил он.

– Что так, что эдак, всё равно мараться придётся. Так что давай, строй. Это источник финансирования нашей главной сметы. Ты их технику уже видел?

– Да, нагнали много, даже завидно.

– Не завидуй, у тебя лучше будет, только скажи. А вот это «Гэ» немедленно мне возведи, чтоб оно до Нового года начало доход приносить.

– Было бы сказано, – кивнул Зодчий, – на него смету готовить?

– Не сам. Некогда. Поручи кому-нибудь. А с тобой поедем место искать.

– Да чего там искать, раскатай-ка карту.

Они склонились над планом застройки района.

– Вот тут, – ткнул пальцем Зодчий, – окраина, перекрёсток трёх дорог, свёрток в лесок, до аэродрома рукой подать, а с другой стороны – нормальный жилой район, даже автобусная остановка и техникум недалеко.

– Отлично. Согласен, – кивнул Хозяин.

– Как назовём?

– Как задумано – казино.

– Мне и в бумагах так писать?

– Вот чёрт! Ладно, в бумагах напиши... Техникум там рядом? Напиши, что молодёжный развлекательно-спортивный клуб. Заодно сделаем тренировочную базу для наших парней. Придумай там под полом тренажёрный зал какой-нибудь.

– Хорошо. Значит сверху будет дискотека с кафе-баром, внизу спортзал, а ещё ниже подпольное казино. Прямо лабиринт какой-то! – усмехнулся Зодчий.

– Кстати, отличное название. Вот так и будет. Строй мне этот чёртов «Лабиринт», а я пока на него все лицензии выбью. Пусть там молодняк пьёт и танцует, а их папаши денежки просаживают в казино на нашу основную стройку...

– Кто там? – всё же спросил Моисей Израилевич, хотя и так было очевидно, кто.

– Это я, Нина, ваша соседка!

Старик открыл дверь и впустил в коридор взволнованную девушку.

– Дядя Моисей, пожалуйста, помогите! Выручите меня по-соседски!

Главный Распорядитель, немного оторопев от режущего слух «дяди Моисея», вопросительно уставился на соседку.

– Папу включили в подряд на работу на новой стройке – аэропорт будут строить, вы, наверное, слышали, там и зарплаты высокие будут, и просят срочно папу подать все документы, а он сейчас на аварии, а они говорят, раз нет, то и нет, желающих много! Я бы сама отвезла, я вот все бумаги собрала, да мне ребят не с кем оставить! Вы с ними не посидите? Я за часок обернусь!

« – возмущённо подумал старик, – » За часок обернусь! ох, молодость, пора скоростей! Как будто часок ничего не значит! Да за час можно жизнь прожить и потерять! Обернётся она! Планета за двадцать четыре часа еле оборачивается, а человек, маленькая Вселенная, воплощение образа Бога на Земле, оказывается, за часок может обернуться! Ох, ты, господи!

– Но я не могу! – растеряно пробормотал он, – это же дети! Я не умею.

– Дядя Моисей! Да чего тут уметь-то?! Они спят оба, а я коляску вот сюда вкачу и поставлю, а через часок выкачу, и всё. Огромное Вам спасибо!

Поставив коляску с двумя спящими малышами посреди его гостиной, наглая девушка убежала, не помахав, а он остался стоять с крошечной киянкой в руке.

Покосившись на спящих малышей, он отошёл было снова к столу, но вдохновение ушло. Он осторожно убрал инструменты на место, завернул и спрятал часы и снова подошёл к детям.

Один светленький, побольше, другой тёмненький, поменьше. Наверное, детей определяют как-то ещё, но он давно забыл – как...

Для открытия спортивно-развлекательного комплекса «Лабиринт» Богданов лично утвердил сценарий, включив в него танцевальные номера.

– Но у нас нет таких артистов в списке, – возразила секретарь.

– Уже есть. Оставьте это мне. Я сам её приглашу, – ответил Хозяин, выключая компьютер, – как раз четверг...

Спустя час, изрядно раздражённый бесконечными телефонными переговорами с какими-то недоумками, которым приходилось по сто раз всё объяснять, он раздобыл телефон танцовщицы, выступления которой он видел в клубе и на одном из крупных городских корпоративов, куда был приглашён партнёрами по бизнесу.

«», – подумал он, набирая номер. *Надо было всё же скинуть эту часть поиска на секретаря! Полдня убил!*

– Алло, Натали, слушаю вас.

– Меня зовут Богданов Владимир Алексеевич. Я хочу предложить вам работу, госпожа Натали.

– Когда, где, сколько номеров, форма оплаты?

– Мы можем встретиться?

– В этом нет необходимости.

– Уверяю вас, что есть. Мне нужна танцовщица и на открытие клуба, и на постоянную в нём работу по вечерам.

Повисла не большая пауза.

– Хорошо. Куда мне приехать?

Он назвал приличное кафе и отключился...

Зодчий ещё раз пролистал бумаги и позвонил старому другу.

– Моня, ты дома?

– Дома, Миша. А тебе чего не сидится?

– Совет нужен, заеду. Закуска есть?

– Найду. Только сало себе сам купи – не держу, ты же знаешь.

– Знаю, скоро буду, жди.

Моисей Израилевич вздохнул. По телефону ему звонили чаще, чем в дверь, но чтобы вот так – всё в один день – такого давно не бывало. Да и гостей у него давно не было. Слава богу, что хоть малыши от звонка не проснулись! И он на цыпочках потрусил на кухню – проверить запасы для встречи с другом...

Дед Василий успел в контору в последнюю секунду, когда Нинка уже слезу по щеке размазывала, умоляя инспекторшу по кадрам принять заявление и все документы без его подписи. Он вошёл размашистым шагом, прямо в грязнучих сапогах и ватнике, и свою закорючку на бумажках поставил. Инспекторша поджала губы, но документы взяла и объявила, что с понедельника он выходит работать на строительстве аэропорта. Они с дочерью поблагодарили недовольную ими тётку, потом обнялись и так в обнимку и вышли из кабинета.

– Малых-то с кем оставила? – спросил Василий.

– Ой, с дядей Моисеем! Надо быстрее ехать домой, спасти его!

– Ну, ты езжай, а мне надо отметиться и трактор в гараж загнать. Пока.

– Пока, пап, – послала ему воздушный поцелуй Нинка и побежала вниз по лестнице.

Навстречу ей поднимался сутулый молодой мужик в таком же ватнике, как у её отца, и она его чуть не сбила.

- Осторожнее, девушка, – хмуро буркнул он.
- Не до осторожности мне, тороплюсь очень! – крикнула Нинка, летя вниз.
- Куда это? – обернулся парень.
- К сыну, – бросила Нинка и побежала дальше.
- А у меня дочь! – крикнул ей вслед мужик, – может погуляем вместе?!
- Как-нибудь потом! Спроси про меня у Деда Василия! – донеслось издалика.

С этого момента судьбы всех участников маленькой земной трагедии словно изменили наклон и понеслись с огромным ускорением навстречу друг другу...

Настя-Натали пролистала контракт и снова посмотрела на мужчину, сидящего перед ней за столиком кафе. Ни в его внешности, ни в его предложении, ни в контракте не было ничего предосудительного, но всё это ей не нравилось, сверля мозг тревогой и страхами. Наконец, она отважилась.

– Чего вы от меня хотите, Владимир Алексеевич? Ведь руководители вашего ранга не занимаются лично подобными вопросами.

Он усмехнулся. Какая проницательность!

– Если вы согласитесь, я хотел бы, чтобы вы стали моей любовницей, Натали. Кстати, я знаю, что это ваш псевдоним, а как вас зовут на самом деле?

– Под этим именем меня зовут работать, так что его достаточно.

– Я зову вас не только работать.

– Вы сказали, если я соглашусь, – осторожно заметила она.

– Да, я не собираюсь вас к чему-либо принуждать, – подтвердил он.

– Тогда я согласна выступить на открытии вашего клуба и работать в нём два раза в неделю по вечерам с концертными номерами, хотя это не совсем в моём стиле. Я раньше не работала в стрип-шоу.

– У меня не будет стриптиза, там полно несовершеннолетних. Обычные танцевальные номера, чтобы зажечь публику и разнообразить отдых гостей клуба. Возможно, что-то вроде кабаре, но точно не стриптиз.

– Вы лжёте, – просто сказала она.

– А как насчёт моего второго предложения? – он не глядя допил кофе.

– Оно точно второе? Или первое? – она посмотрела ему в глаза.

– Как вы захотите, Натали, – он отставил чашку.

– Я не хочу.

– Значит пока вопрос снят, – чуть пожал он плечами.

– Пока? – она гневно свела брови и наклонила голову.

– Я не тот человек, который легко отказывается от желаемого, – кивнул он.

– Ваше желание невозможно! – она поднялась из-за стола.

– Для меня нет ничего невозможного, Натали. На невозможное просто требуется больше времени. Идёмте, я вас подвезу. Даже не возражайте! Я в любом случае не позволю девушке возвращаться домой в темноте и в такой буряне...

На столе перед двумя мужчинами стояли блюда с оливками и нарезанным и посыпанным сахаром лимоном, тарелочки с сыром и колбаской, вазочка с лечо и вазочка с маринованными огурчиками, миска с дымящимися пельменями, плетёнка с хлебом, графин с водкой и отдельно на краю стола – доска с нарезанным горкой салом с толстой мясной прослойкой.

– За здоровье! – поднял тост Зодчий.

– Сколько тебя учить, Миша, за здоровье яд не пьют!

– Ты меня уважаешь?

– А, чтоб тебя, медведь чёртов, бурбон, медный лоб, мужик! За здоровье!

– Вот так-то, Моня! Будем!

Они чокнулись и выпили, закусив один салом, другой огурчиком, и тут же подцепив вилками по пельменю.

– Давай сразу по второй, а то я от стресса чуть не помер, увидев тебя с коляской, да ещё с двумя мальцами внутри, – предложил Михаил Иванович.

– Давай, – усмехнулся Моисей Израилевич, – а представь, как я чуть не помер, когда они вопить начали хором от твоего звонка в дверь, а я не знал, куда бежать!

– Как ты вообще на такое подписался, Моня?

– Да говорю же, эта девчонка просто мне их сунула в руки и сбежала! Ну, не выставить же их за дверь? Хорошо, хоть ты помог мне снова их укачать.

– Да уж, сто лет не держал на руках младенцев, – вздохнул Михаил Иванович.

– Ну, ты-то ещё поддержишь! Настя ещё тебе нарожает внуков. Это мои мальчики уже не воскреснут, – вздохнул Моисей Израилевич.

– Настя нарожает! Где её только искать, эту Настю! Э-эх! Зачем я тогда погорячился! Накричал на дочь, наговорил ерунды какой-то, а она трубку бросила!

– Так больше не звонила?

– Нет. Сам виноват, дурак старый! Она позвонила сказать, что жива, что устроилась как-то, а я её оскорбил. Вот она испугалась и обиделась, и не звонит.

– Ну, что дурак, это верно, но если ты старый, то я тогда кто?

– Артефакт! – хохотнул Зодчий, – ископаемое!

Главный Распорядитель с прищуром кивнул.

– Точно. Так что у тебя за дело, Миша?

– Дело у нас теперь одно, на всех общее, Моня.

– «Лабиринт»?

– Верно. Я вот тут подумал, раз мы вокруг аэропорта крепость возводим, весь «Ножик» в лабиринт превращаем, так чего мы будем в старый офис мотаться? Может мы его перенесём?

– В клуб? – догадался Главный Распорядитель, – сдурел, Миша?

– Фи, Моня, что за моветон? Сдурел! Не сдурел я! И это не клуб, это спортивно-развлекательный комплекс. И я в нём заложил офисную зону с отдельным входом и парковкой, почти изолированную от клубной зоны.

– Почти? – насторожился старик.

– Ну, если вдруг чего, из офисной зоны есть два пути эвакуации, официальный и короткий, как раз через клуб. Есть ещё подземный.

– Ой, вот не надо нам твоих «!»! *вдруг чего*

– Не надо, конечно, но моя задача предусмотреть всё.

– Значит, сделал.

– Угу!

– Ну и предложи ему.

– Не, я не могу. Кто я такой?

– Ты Зодчий.

– А ты Главный Распорядитель. Короче, это в твоей компетенции, ты и предложи. А мне вот ещё помощница нужна.

– Кто – что тебе нужна? – изумился Моисей Израилевич.

– Помощница, – буркнул Зодчий, давась от смущения.

– Э-э, помощница по дому? Или в конторе?

– Везде, – отведя глаза, шепнул Михаил Иванович.

Несколько секунд они помолчали.

– Извини, что переспрашиваю, Миша, я просто хочу уточнить. Раньше у тебя не было проблем найти себе женщину.

– У меня и сейчас нет проблем найти бабу, – взвился Зодчий, – но мне нужна не просто баба, а баба с головой. У меня в бумагах бардак, на полках бардак, в компьютерах бардак и с одеждой бардак. Вчера смотрю – в смете ошибки, хоть и мелочь, но раньше таких не было, а сегодня в рубашке наизнанку приехал в офис.

– Да, Мишаня, стареешь. Что ж, бывает. Ну, а возраст какой предпочтителен для твоей запасной головы?

– Ну, мне полтинник, так что ей может быть вполовину меньше.

– Эк, махнул!

– Ну, тридцать.

– Не лъсти себе так уж, – усмехнулся Моисей Израилевич, но, увидев мрачную тучу на лице друга, сменил тон, – ладно, Миша, в принципе я тебя понял. Лично просмотрю все личные дела на фирме и кого-нибудь подберу, а нет – найду новенькую сотрудницу. Как мы с тобой её должность определим? Секретарь? Сметчица? Может, помощник архитектора?

– Ага, ты мне ещё геодезиста найди! Плевать мне, как её будут называть! Главное, чтобы была согласна работать в конторе и...

– И дома. Я понял. Выпьём? За умных баб?

– Лучше за дур. С ними проще и теплее.

– Глупый ты человек, Миша, да и вообще глупый мужик, бурбон.

– Ты прямо кладёшь премудростей! Прямо как торт «Мудрый еврей», в котором чёрт-те что понапихано, а всё одно с него проносит!

– Ладно, не заводись. Кофе будешь?

– Я не за рулём, Моня. Давай ещё по водочке и я поеду.

– Ну, давай, Мишаня...

Нинка услышала вопли ещё с площадки и сразу позвонила в дверь к старому еврею, который жил тут сколько она себя помнила.

– Вернулась, мамаша бестолковая? Это называется «»? *за часок обернись*

– Простите, дядя Моисей! А я вам тортик купила! Держите! Представляете, папу на стройку аэропорта взяли! Спасибо Вам огромное! О, горлопанчики мои золотые! Ну, всё, всё, сейчас кушать пойдём, домой пойдём, сухие памперсы найдём, – приговаривала Нина, выкатывая коляску с вопящими малышами из гостиной старого еврея, – до свидания, дядя Моисей, ещё раз спасибо.

Он закрыл за ней дверь и обернулся к другу.

– Дядя Моисей? – Зодчий иронично приподнял бровь, затем взял у друга из рук коробку с тортом, прочитал этикетку и захохотал.

Моисей Израилевич сам взглянул на этикетку и тоже рассмеялся. Торт назывался «Мудрый еврей»...

На лестничной площадке, пока Нинка рылась в сумочке в поисках ключей, вдруг появились дед Василий с молодым сутулым мужиком в мокрых от снега ватниках и грязных сапогах.

– О, Нинка! Ты только вернулась что ли? А где была-то?

– Да за тортом заскочила для Моисея Израилевича, а ещё в аптеку за плантексом для маленьких.

– Дай я, – оттер отец её от двери, доставая свой ключ, – познакомьтесь пока, Виктор, напарник мой новый, вот зашёл познакомиться, да я ему ключ разводной отдам, а то слесаря обнаглели совсем, – и Василий, ворча, скрылся в квартире.

– Ты же говорила про одного сына, – тихо сказал Виктор, глянув в коляску.

– А если я скажу, что в доме ещё третий ждёт, сбежишь без разводного ключа? – подбоченилась Нинка.

- От таких не сбегают, к таким прибегают, – тихо сказал Виктор, приобнимая её за талию.
- Руки, – пригрозила Нинка, отталкивая его и закатывая в квартиру коляску.
- А чё руки, Нин? Руки у меня окромя всего прочего золотые, я всё могу по дому, слышь! Дверь за ними только закрылась, как на площадку поднялись Натали и Владимир.
- Спасибо, что проводили. Не нужно было. До свидания, – сказала она.
- Не пригласишь на чашечку кофе? – подмигнул он.
- У меня его нет.
- Чай, вино, текила, водка?
- До свидания, Владимир Алексеевич.

Он кивнул, и тут же притянул её за голову и поцеловал. Мгновение растянулось и длилось восхитительно долго.

- Мне уйти? – шепнул, еле оторвавшись от неё.
- Немедленно уходите! – задыхаясь, выдохнула отказ.

Поцеловал руку, стянув холодную перчатку, и легко сбежал по ступеням.

Она быстро открыла и закрыла дверь. В это мгновение вновь открылась дверь старика Берковича, и на площадку вышел весёлый Михаил Иванович.

- Тортик с собой возьмёшь, Миша? – поддел его друг.
- Не-а, дядя Моисей, сам кушай.

Внизу ещё слышались чьи-то шаги, и Михаил Иванович стал спускаться на звук, махнув рукой старому другу. Тот тоже махнул и закрыл наконец дверь...

В этот раз они все пересеклись в одном месте, но в разное время. Как так получилось? Кто пустил стрелу времени, отделившую их пока друг от друга дверями и стенами? Что за сила подвела их так близко друг к другу, не позволив столкнуться? И что было бы, если бы все разом столкнулись?

Как бы то ни было, но Настя выскочила за сыном к подруге, когда Михаил Иванович уже вышел из подъезда, а Моисей Израилевич подошёл к окну, когда машина Хозяина уже скрылась за углом дома...

Он ехал очень медленно, прикрываясь бураном, разыгравшемся в городе не на шутку, швыряющим в лобовик огромные снежные хлопья, но на самом деле думал не о дороге, а о поцелуе с Танцовщицей. Он сам не ожидал, что его с первого раза так «затянет». Это было, как она там выразилась, «». Он никогда к бабам не привязывался и не таскался за ними, а тех, кто таскался за ним, надоедая и докучая, отсекал, не глядя. Но вот эта заноза в маске засела в мыслях. Он и предложил ей пойти к нему в любовницы, цинично и нагло, только чтоб избавиться от наваждения, переспать и забыть, пока ещё хочет этого. Тут он вдруг свернул на обочину и встал, включив «аварийники», поражённый открытием. *не совсем в его стиле*

А ведь он уже и не хочет! Не хочет её забывать! И вот это не только что «», а совсем не в его стиле, это вне его правил и принципов. Он вдруг почувствовал себя так, словно разбились его противоударные часы, разлетевшись шестерёнками и пружинками во все стороны: теоретически это было возможно, а в реальности нарушало все законы и правила, рушило гарантии. *не совсем в его стиле*

«» Ну, не жениться же теперь! Ещё не хватало! А тогда как?! Как?!!

Мимо него проползали по завьюженной трассе автомобили и троллейбусы, а он стоял на обочине, выбившись из общего потока, не в силах двигаться, потеряв направление пути...

Глава 5. Занесённые снегом

*Все мы гении. Но если вы будете судить рыбу по её способности
взбираться*

на дерево, она проживёт всю жизнь, считая себя душой.

Альберт Эйнштейн

Зима как время года отличается от весны, лета и осени только одним – отсутствием цвета. Именно поэтому её любят интеллектуалы и учёные – в чёрно-белом царстве им легче сосредоточиться.

Настя зиму не любила. Ей нравилась осень – пора сбора урожая, богатство многообразных плодов и буйство красок. Но именно зимой она с особой остротой затосковала по отцу, вспоминая, как он учил её кататься на лыжах, как привозил перед Новым годом в дом ёлку и как они дружно лепили вдвоём сначала снежную бабу во дворе, а потом на кухне пельмени. И она снова ему позвонила...

Зодчий распланировал выстроить за зиму только несколько перегородок и стен, замыкающих улочки и дворы Ножики так, чтобы из района почти невозможно было выйти на окраину или в центр города кроме нескольких оставленных мест. Эти мини-стройки были допустимы даже в зимних погодных условиях.

– А всё остальное?! – возмутился Хозяин.

– Хочешь долбить вечную мерзлоту и попасть в книгу рекордов? Дождёмся весны. За весну-лето-осень мы проложим дороги и систему водоснабжения, выроем котлованы под гаражи и ангары, под склады и всё прочее. Не паникуй. Ты же сам сказал, что ни торопить, ни ограничивать не будешь, мол, время будет работать на нас. Вот и доверься времени. Зимой строить нельзя, только подстраивать. Ждём лета. Займись пока казино, заработай немного на мою смету.

– Не указывай мне, что мне делать, – огрызнулся Хозяин.

– Да боже упаси, – огрызнулся в ответ Зодчий.

И они разошлись крайне недовольные друг другом. Когда зазвонил телефон, Михаил Иванович не сразу его взял, думая, что это опять Молодой Хозяин с какой-нибудь претензией.

– Алло, – буркнул он, даже не взглянув на номер.

– Алло. Папа?

Он замер и ждал в руке сотовый. Номер был неизвестный.

– Алло. Настя?! Настёна! Дочка!

– Папа! – и она заплакала.

– Что случилось?!

– Ничего, – она всхлипнула, – у меня всё в порядке, папа!

– Точно? Ты здорова? Тебя никто не обидел?

– Всё хорошо, папа! Как ты?

– А я плохо, Настя. Мне без тебя совсем плохо!

– Папочка!

– Где ты, Настя? Я приеду!

– Не надо, папа.

– Что значит, не надо?! Диктуй адрес!

– Нет. Я в Москве, папа, учусь на танцовщицу.

– Да хоть где, хоть как! Я приеду к тебе, дочь. Хватит! Подурила и хватит!

– Пап, ну, ты опять? Это не дурь, папа! Это единственное, к чему у меня есть способности, это моя профессия, папа!

– Другую профессию получишь, ещё лучше. Да тебе и вообще незачем! Я о тебе позабочусь!

– Я сама могу о себе позаботиться, папа, – устало сказала Настя, – а ты так ничего и не понял. Ладно, проехали. Ты живёшь там же? Не бросил наш дом?

– Нет. Мне предлагали переехать в город, но мне по душе жить своим домом.

– Рада за тебя. Как твоя работа? Есть что-то новое?

– Да, много всего. Приедешь, увидишь, Настёна. Скажи, где ты живёшь?

– Я снимаю жильё, папа.

– Работаете?

– Да.

– О, господи! Кем? Танцоркой?

– Танцовщицей и хореографом, папа.

– Надрываешься на двух работах! Зачем? Что за блажь, Настёна?! Приезжай! Возвращайся домой, дорогая, заживём вдвоём, вместе, как раньше. А?

– Нет, папа. Я не приеду. Но я буду тебе звонить на этот номер. Можно?

– Можно. Но не нужно. Нужно, чтобы ты вернулась, Настя! Кстати, где именно в Москве ты учишься?

– До свидания, папа, береги себя.

– Нет-нет! Настя!

Но в трубке уже послышались короткие гудки...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.